

А в это время в Париже...

Эрнест Ренан вызывает литературную бурю,
называя осадившую Париж армию «высшей расой».

*У немцев мало удовольствий, и самые главные из них это
ненависть, раздумье и месть.*

А в это время в голодном и осажденном Париже начинает воцаряться ужас, но население упорно не сдается. Людям всех возрастов раздали оружие. Продовольственные ресурсы быстро тают, и в голодной охоте за провиантом начинают исчезать домашние животные. Совсем скоро обедающие будут рады, если поданное им мясо окажется кошачьим, собачьим, или лошадиным, но ничем более худшим. Повсюду смятение, но дух города не сломлен, и на улицах и площадях разносятся возгласы «Vive la Republique!». Пришла пора смелых жертв и отчаянных подвигов – полет Гамбетта на воздушном шаре из Парижа в Тур, чтобы оттуда руководить обороной, гордое заявление министра Жуля Фавре: «Мы не уступим ни пяди земли нашей территории, и не отдадим ни камня на наших территориях!»

В тот самый день, когда Фавр делает это заявление, легко возбудимая группа книжников собирается в ресторане Brebant на Бульваре Poissonniere, чтобы поболтать о литературе и отведать то, что сумеет наскрести для них шеф-повар. Они приходят по одиночке, или парами, эти грамотеи, ученые, журналисты. Бледные и потрясенные событиями, они не торопясь поднимаются в «красный салон». Первым прибывает Эрнест Ренан, историк, биограф Христа, агностик. Эдмонд Гонкур, который следует за ним, застаёт Ренана сидящим безутешно за огромным круглым столом, читающим газету, сопровождая чтение «безнадежными жестами обеих рук». Следующим появляется Пол Сэнт-Виктор, театральный критик ежедневной газеты Le Rays, удрученно усаживаясь на стул рядом с Ренаном. После него приходят Антуан Дюмеснил, писатель и государственный служащий, Огюст Нефцер, издатель журнала Le Temps, Пьер Бертело, один из создателей органической химии, сейчас член комитета обороны осажденного города. Но это Гонкур, известный своим самым выдающимся литературным дневником века, приглашает нас присоединиться к его унылым друзьям в ресторане у Бребана в холодный сентябрьский вечер 1870 года. Позже мы узнаем значительно больше об этом полуночном авторе дневников Гонкуре и его обширной записи лучшей литературной болтовни того дня. В данный момент книги совершенно не занимают умы этих безрадостных Парижан. “C’est la guerre”, и «Le Voche» стоит у самых ворот...

Сэнт-Виктор (*воскликая, словно охваченный ужасающим видением*): Это Апокалипс!...

(«Обед продолжается, сопровождаемый словами отчаяния собравшихся. Говорят о грандиозном поражении, о невозможности сопротивления, о некомпетентности руководителей штаба Национальной Обороны, об их обескураживающем отсутствии влияния на дипломатические корпуса, и о нейтральных правительствах. Все клеймят Прусское зверство, которое началось с короля вандалов Генсерика». – Гонкур)

Ренан: У немцев мало удовольствий, и самые главные из них это ненависть, раздумье и месть.

(«Все начинают вспоминать примеры этой германской ненависти в которая началась с Даву, и к которой добавилась ненависть, унаследованная от войны за Палатинат. Ненависть, гневное выражение которой, сохранилось в устах старухи, водившей меня много лет тому назад по Гейдельбергскому замку. Кто-то сказал, как вчера – не раньше, чем вчера – администратор железной дороги поведал ему следующую историю: несколько лет тому назад он побывал в Карлсруэ с дружеским визитом к члену правительства, и услышал, как тот заметил одному из его друзей явно расположенному к женищинам: «Здесь, мой дорогой друг, Вы не добьетесь ничего. Наши женищины – доступны, но они не любят французов». – Гонкур)

Кто-то: Точные инструменты не соответствуют французскому темпераменту. Быстро выстрелить, приладить штык и броситься атаку – так воюет наш солдат. Если ему это не удастся, он парализован. *Механизация личности* – не для него. Но именно механизация обеспечивает пруссакам их превосходство а настоящий момент.

Ренан (*поднимая глаза от тарелки*): Что бы я не изучал, меня всегда поражало интеллектуальное и профессиональное превосходство немцев. И потому совсем неудивительно, что в военном искусстве, которое, как бы то ни было, низшее из всех, но сложное искусство, они демонстрируют то же самое превосходство, которое, я повторяю, я обнаружил во всех изученных мной областях. Да, господа, немцы это высшая раса!

Все: Нет! Нет! Нет!

Ренан (*все больше возбуждаясь*): Да, неизмеримо выше нас. Католицизм превращает человека в кретина. Образование полученное от братьев-иезуитов и

христиан тормозит и ограничивает рост *суммарных* способностей, которые протестантизм развивает.

Бертело (*«своим приятным и болезненным голосом возвращает собравшихся интеллект из головокружительных высот в реальную опасность»*): Господа, Вы, возможно, не знаете, что мы окружены огромным количеством керосина. Эти запасы находятся у ворот Парижа, и их не впускают в город только из-за пошлины. Пруссаки их захватят и сбросят в Сену, река вспыхнет и сожжет оба берега. Именно так греки подожгли арабский флот.

Гонкур: Почему бы не предупредить об этом Трошу?*

Кто-то: Вы думаете у него есть время заниматься делами?

Бертело: Если не взорвать шлюзы Марнского Канала, то пруссаки, словно на роликах, подкатят свою тяжелую осадную артиллерию прямо к стенам Парижа. Но кому-нибудь приходит в голову взорвать эти шлюзы? Я могу говорить о подобных вещах до самого утра.

Гонкур: Есть надежда, что возглавляемый тобой комитет создаст какое-нибудь разрушительное устройство?

Бертело: Ни малейшего шанса. Меня не обеспечили ни деньгами, ни людьми, и я получаю ежедневно двести пятьдесят писем, на которые я должен ответить, так что у меня даже некогда проводить эксперименты. Разумеется, есть возможность что-то создать и испытать, но для большого эксперимента просто нет уже времени. И получить на него одобрение это еще одна проблема. В артиллерийском корпусе, например, есть большой начальник. Я разговаривал с ним о керосине. «Да», сказал он, «керосин доказал свою полезность в девятом веке». «Но американцы, во время их последней войны...», начал я отвечать. «Все верно», заметил он, «но это опасное вещество, и мы не хотим взорвать себя сами». Так мы и разговариваем.

(«Разговор за столом переходит к обсуждению условий, предположительно выдвинутых прусским королем – таких, например, как сдачи части вооруженного флота и установления новых границ, уже отмеченных на карте имеющейся у Хетцеля – границ, которые лишат Францию ее нескольких департаментов... Ренан, упорно не оставляя свой тезис о превосходстве немецкого народа, продолжает развивать его дальше своим двум соседям». – Гонкур)

Дюмениль (*перебивая Ренана*): А что касается чувства независимости среди ваших немецких крестьян, то я могу сказать следующее: я охотился однажды вблизи Бадена, и было достаточно дать им всего несколько пинков, чтобы они бежали собирать для нас дичь.

Ренан: Понятно! Но мне больше по душе те крестьяне, которым можно дать пинок, нежели наши, ставшие нашими хозяевами за счет всеобщего голосования – эти крестьяне, этот низший слой цивилизации, из-за которых мы уже двадцать лет находимся в подчинении у правительства
(*Бертело продолжает делиться своими чудовищными откровениями*). – Гонкур)

Гонкур: Значит, все кончено. Сейчас наша единственная надежда это призвать к мести все поколение.

Ренан (*поднимаясь со своего места, с покрасневшим лицом*): Нет! Нет! Никакой мести! Пусть Франция погибнет! Да, пусть погибнет наша родина! Царство долга, царство разума – выше, чем сама Франция...!

Все (*громко кричат*): Нет! Нет! Ничего не может быть выше, чем наша страна!

Сэн-Виктор (*«переполнен гневом, и оттого кричит громче всех»*): Черт побери, перестанем заниматься эстетикой и спорить как византийцы! Выше нашей страны нет ничего!

(*«Ренан поднимается, неуверенной походкой обходит вокруг стола, размахивая при этом обеими руками, цитируя отрывки из Священного Писания, и заявляя, что там все написано. После чего он подходит к окну и наблюдает за беззаботным поведением парижан на улице»*). – Гонкур)

Ренан (*обращаясь к Гонкуру*): Именно это нас и спасет! Слабость этих людей на улицах!